

Р. М. Лазарчук

**«НА СМЕРТЬ ЖУКОВА» И. БРОДСКОГО
И «СНИГИРЬ» Г. ДЕРЖАВИНА**

(ПРОБЛЕМА ТРАДИЦИИ)

Феномен И. Бродского критика нередко объясняет открытостью его поэтического мира другим мирам, многочисленным и разным. Среди русских классиков, «всю жизнь обожаемых» Бродским, Державина нет, что отнюдь не исключает его интереса к этому поэту XVIII века. Скорее всего в «массе» «близких» Бродскому поэтов¹ Державин оказался одним из неназванных. Сделать такой вывод позволя-

---

¹ Вайль П., Генис А. Вокрестностях Бродского // Литературное обозрение. 1990. № 8. С. 27.

ет сопоставление двух стихотворений «На смерть Жукова» (1974) и «Снигирь» (1800). Хотя прямая отсылка к Державину дается лишь в заключительных строках стихов Бродского:

Бей, барабан, и, военная флейта,
громко свисти на манер снегиря,²

в памяти читателя эти связи возникают моментально. Бродский сохраняет и ритмический рисунок (четырёххитовый дольник с тенденцией к логаздизации), и строфу «Снигирия» — шестистишие, правда со своей системой рифмовки (абабба — I строфа и абабаб (II—V строфы) вместо абабвг). Таким образом, контекст, в котором следует читать стихотворение «На смерть Жукова», восстанавливается сразу и без труда. Гораздо труднее выявить, что, кроме одинаковости «повода» и сходства темы (смерть великого полководца), сближает стихи, разделенные почти двумя столетиями, увидеть глубокие внутренние связи не только за явными параллелями, но и за столь же очевидными несовпадениями.

По собственному признанию Державина, «Снигирь» «писан в Петербурге в 1800 году тотчас по кончине» «графа Ал. Вас. Суворова-Рымнического, князя Итальянского»³ и потому доминирующим в этих стихах стал мотив невосполнимости утраты:

С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вожьд наш? Кто богатырь?
.....
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари...⁴

Всегда точный в передаче смысла явлений и сути происходящего, Державин ни разу не произнесет слова «смерть». Он предпочтет эвфемизмы:

Нет теперь мужа в свете столь славна
.....
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами!..

С живым связано и название стихотворения. Наконец, на противопоставлении живого и мертвого построена I строфа:

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вожьд наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Бродский вынесет слово «смерть» в название стихотворения, заставив нас вспомнить державинские «На смерть графини Румянцевой», «На смерть князя Мещерского», «На смерть Суворова» и др. Он откроет свои стихи описанием события, оставшегося за пределами текста Державина. Единственный поэтический образ в «Снигире», прямо связанный с темой смерти («Северны громы в гробе лежат»), развернут Бродским в картину. Похороны маршала изображены им подержавински предметно, видимо, подробно:

² Бродский И. Стихотворения. Таллинн, 1991. С. 140. Далее цит. по этому изд.

³ Примечания на Сочинения Державина // Державин Г. Р. Анакреонтические песни. М., 1986. С. 455. Далее в тексте сокращенно: Прим.

⁴ Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 283. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

Вижу колонны замерших внуков,
гроб на лафете, лошади круп.
Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб.
Вижу в регалии убранный труп:
в смерть уезжает пламенный Жуков.

Ведь Державиным «все мыслится в образе зримого»,⁵ даже мертвое. В оде «Водопад» поэт дерзнул показать то, что еще недавно было «великолепным князем Тавриды», застигнутым смертью в пути, «среди степей»:

Чей труп, как на распутии мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Две лепте покрывают очи,
Прижаты к холодной груди персты,
Уста безмолвствуют отверстия!

(с. 185)

Один и тот же художественный прием... Но как изменилась его функция. Державинская предметность создает высокий и трагический образ смерти, уравнивающей всех и вся («Где слава? Где великолепе?» — с. 187) и высвобождающей человеческое из толщи социально-иерархического. Предметность Бродского («в регалии убранный труп») убивает человеческое, становится знаком абсурдности и противоестественности миропорядка, от всевластия которого не освобождает даже смерть.

Бродский повторяет сюжетный ход, найденный Державиным. Смерть полководца для обоих поэтов оказывается поводом для изображения героя. Суворов описан подробно и многопланово. Державинские характеристики конкретны и точны. Они касаются походов и побед Суворова («С кем мы пойдем войной на Гиену?»),⁶ его быта («Спать на соломе, бдеть до зари» — с. 283), манеры поведения, привычки скрывать истинные чувства чудачествами и «разными проказами» («побеждал шутками зависть» — Прим.). Державину удалось передать порывистость натуры своего героя, его психологический склад («быстрый Суворов»). Он создал образ в высшей степени индивидуализированный и одновременно эпический («Кто богатырь?»).⁷

Оригинальность решения темы, предложенного И. Бродским, определяется эстетикой отказов. На фоне многословия Державина Бродский подчеркнуто краток. Он демонстративно отказывается от метафоры с ее повышенной экспрессивностью (вспомним державинское: «Львиного сердца, крыльев орлиных нет уже с нами!»

⁵ Гукровский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 201.

⁶ «Гиена, злейший африканский зверь, под коей здесь разумеется революционный дух Франции, против которой гр. Суворов был послан» (Прим.).

⁷ См. стихотворение «На взятие Варшавы», где тема былинного богатырства Суворова разработана детально:

Черная туча, мрачные крыла
С цепи сорвав, весь воздух покрыва;
Вихрь полуночный, летит богатырь!
.....
Ступит на горы — горы трещат,
Ляжет на воды — воды кипят,
Граду коснется — град упадет;
Башни рукою за облак кидает...

(Соч. Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота.
СПб., 1864. Т. 1. С. 642).

или: «Северны громы...»). Он оставляет только один эпитет («пламенный Жуков»; ср. у Державина: «Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?» или: «Нет теперь мужа в свете столь славна...»). Бродский ослабит державинский гиперболизм (ср.: «тысячи воинств, стен и затворов» и «многие пали стены»). Закаленному «в стуже и в зное» (с. 283) мечу Суворова он противопоставит маршальский меч, что «был вражьих тупей». При этом оба поэта останутся максимально точными.

Столь же строг Бродский и в отборе биографических фактов. Их два: военные победы («блеском маневра о Ганнибале напоминавший средь волжских степей») и опала. Последней Бродский посвящает две строфы. Прямо и громко он говорит о том, о чем Державин упоминает скрыто или вовсе умалчивает:

Кончивший дни свои глухо, в опале,
Как Велизарий или Помпей.

На фоне державинского «Снигиря» структура стихотворения Бродского кажется более упорядоченной и строгой. Впрочем, здесь есть и потери. Жуков Бродского только маршал, воин. Его образ намеренно отстранен от всего личного, житейского, бытового («Воин, пред коим многие пали стены...»).

Друг Суворова, поэт, обогативший русскую поэзию личным, автобиографическим началом, Державин откажется от своего привычного «я» и заговорит от имени всех. И это его «мы», «вождь наш», «нет уже с нами!» великолепно передают общее горе.

О смерти Жукова находившийся в Голландии Бродский узнал из газет. Там же были написаны и его стихи.⁸ Разъединенный со своим народом — и не только пространственно:

Ветер сюда не доносит мне звуков
русских военных плачущих труб,

он принужден говорить только от себя:

Вижу колонны замерших внуков...
Вижу...

«Снигирь» стал песней-плачем. Взволнованность, патетичность, глубокая печаль этих стихов создаются, прежде всего, риторическими формами, характерными для лирического развертывания темы, — восклицаниями (их 2) и вопросами (8 на 24 стиха). В стихотворении Бродского 3 вопроса на 30 стихов. Все они сконцентрированы в одной III строфе:

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
Вспомнил ли их, умирающий в штатской
белой кровати? Полный провал.
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал».

Ни один из возникших мотивов (цена победы, вина перед погибшими, предсмертные муки совести, встреча с невинными жертвами в аду) не будет разработан. Важнее другое: Бродский увидел проблему там, где его предшественник скорее всего не склонен был ее замечать. Отношение Державина к войне и ко всему, что происходит на войне, отнюдь не однозначно. Человек, который мог сказать о себе:

Батыев и Маратов слава
Во ужас дух приводит мой
(с. 201),

⁸ См. об этом: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 26.

так прославил «победу» русских над французами в сражении при Прейсиш-Эйлау (1807):

Весело росе проливает
Кровь за закон и царя...

(с. 319)

Задумывался ли Державин о цене суворовских побед, одержанных далеко от России? Верный истине, он не только упомянет в «Снигире» об оружии, «более всего употребляемом» Суворовым в военных действиях («Шутками зависть, злобу штыком, Рок низлагать...»), но и не скроет (в «Объяснениях на Сочинения»), что за «жестокое» обращение с «неприятелем» его героя «почитали варваром». Любопытно, что Державин принимает объяснения Суворова и соглашается с ними: «...надо в неприятеля вперить ужас; то он поскорее покорится и тем пресечется кровопролитие, а поступая с снисхождением, продолжишь только войну чрез многие годы, в которые более прольется крови, нежели в одном ужасном поражении» (Прим.). Великий полководец для Державина неподсуден уже потому, что он победитель.

В стихах Бродского нет апологии. Его взгляд объективен. Поэт знает, какой была плата за победу («Сколько он пролил крови солдатской в землю чужую!»). Но Жуков спас Родину, и потому он прав. В «Снигире» видение Державина ограничено рамками настоящего, еще точнее — моментом утраты («нет уже с нами!»). Тогда же, в мае 1800 года, он напишет стихотворение «На смерть Суворова», представляющее собой философское осмысление той же темы:

О вечности! прекрати твоих шум вечных споров
Кто превосходней всех героев в свете был.
В святилище твое от нас в сей день вступил Суворов.

(с. 284)

Однако то, что в поэтическом сознании Державина еще существовало на разных уровнях, закреплялось за разными формами высказывания и разными жанровыми структурами, в стихах Бродского могло стать явлением, осознаваемым одновременно в разных измерениях и реализуемым в пределах одной формы высказывания и одной жанровой структуры:

К правому делу Жуков десницы
больше уже не приложит в бою.
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою.

«Я считаю нескромным ссылаться на самого себя. Я предпочитаю не говорить „я“, не говорить о личности, а просто описать то, что происходит. Не быть восторженным или сентиментальным», — заявил Бродский в одном из своих интервью.⁹ В стихотворении «На смерть Жукова» он отступает от своего поэтического кредо, ибо не только высказывает свое отношение, но и оценивает собственные стихи:

Маршал! Поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.
Все же прими их — жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и, военная флейта,
громко свисти на манер снегиря.

⁹ Иосиф Бродский: я всегда ощущал себя свободным... Фрагмент интервью А. Лаутербах из журнала «Vogue» // Пер. с англ. Т. Ведяшкиной // Студенческий меридиан. 1989. № 10. С. 51.

Заключительное двустушие — скрытая цитата из державинского стихотворения, «чужое слово». В стихотворении Державина мотив песни снегиря звучит дважды (в начале и конце текста) и образует своего рода композиционную раму:

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снегирь?
.....
Полно петь песню военну, снегиры!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир...

Однако точного повтора нет. Подчиняясь законам зеркальной композиции, концовка текста отрицает его начало.

Бродский не просто воспользовался отвергнутым Державиным вариантом, но и существенно трансформировал его. Пение снегиря — деталь автобиографическая: «У автора в клетке был снегирь, выученный петь колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа» (Прим.).

Державинский снегирь поет, подобно «флейте», «военная флейта» Бродского «громко» свистит «на манер снегиря». Таким образом, поэтический образ Бродского не что иное, как зеркальное, перевернутое отражение державинского. Но и это не все. Заклучительное двустушие Бродского — монтаж цитат, восходящих к разным источникам:

Бей, барабан,¹⁰ и, военная флейта,
громко свисти на манер снегиря.

Отсылка к стихотворению Генриха Гейне «Доктрина» отнюдь не случайна. Она не только усиливает звучание финального аккорда, но и меняет смысл целого. В сложном взаимодействии одического и элегического начал (их знаками в структуре державинского текста являются образы флейты и лиры) побеждает элегия:

Полно петь песню военну, снегиры!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир...

Бродский пересоздает жанровую структуру «Снегиря». Однако те же начала (одическое и элегическое) в его стихах соотносятся совершенно иначе. Композиция стихотворения Бродского — зеркальное, перевернутое отражение композиции стихотворения Державина. От элегии к оде, от «звуков русских военных плачущих труб» к мощным, призывным звукам барабана и громкому свисту флейты — таков ход развертывания темы смерти великого полководца в стихотворении Бродского.

«На смерть Жукова» — одно из немногих публицистических стихотворений Бродского, призванное нарушить молчание, напомнить лицемерным властям и беспамятной стране о том, кто спас отечество. Бродский написал оду опальному маршалу,¹¹ но не традиционную, классицистическую. Он пересоздал оду державинскую, сохранив не только величественный период и тот особый порядок слов, благодаря которому фраза обретала торжественную неспешность:

Воин, пред коим многие пали
стены, хоть меч был вражьих тупей,
блеском маневра о Ганнибале
напоминавший средь волжских степей,

¹⁰ «Бей в барабан, и не бойся беды...» (Гейне Г. Стихотворения. М., 1985. С. 118).

¹¹ Игорь Шайтанов называет стихотворение Бродского «траурной одой» (см.: Шайтанов И. Предисловие к знакомству // Литературное обозрение. 1988. № 8. С. 57).

но и лексические контрасты: «необыкновенное соединение самых высоких слов с самыми низкими и простыми». ¹² Гоголь был убежден в том, что на это «не отважился бы» никто, кроме Державина. «Посмел» (говоря гоголевскими словами) Бродский, дерзко «соединив» мифологическую Лету и жаргонное, воровское «прахоря»:

Маршал! поглотит алчная Лета
эти слова и твои прахоря.

В Нобелевской лекции Бродский признался, что в «лучшие свои минуты» он кажется себе «как бы суммой» пяти больших величин: Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Роберт Фрост, Анна Ахматова, Уистен Оден, «но всегда меньшей, чем любая из них, в отдельности».

Среди близких ему поэтов в интервью П. Вайлю и А.Генису Бродский назвал Баратынского, Вяземского, Катенина, Карамзина, Кантемира. ¹³ Думаем, что к их числу можно отнести и Державина. Но какова подлинная величина этого «слагаемого» поэзии Бродского, исследователям еще предстоит определить.

¹² Гоголь Н. В. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 373.

¹³ См.: Вайль П., Генис А. Указ. соч. С. 27.